

А. Гурьевъ.

РЕФОРМА
ДЕНЕЖНАГО ОБРАЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Критическій обзоръ возраженій противъ денежной
реформы.

Выпускъ I.

Возраженія внѣшняго характера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.

1896.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Перваго выпуска второй части.

	СТРАН.
Вступленіе	161—170
А. Возраженія внѣшняго характера.	171—268
I. Административная фиксація курса.	172—198
II. Возстановленіе валюты и финансовая готовность къ войнѣ.	199—241
III. Вопросъ о своевременности осуществленія реформы	242—268

Вступленіе.

Возстановленіе валюты справедливо причисляется къ числу тѣхъ огромныхъ экономическихъ реформъ, которыя, по всеобъемлющей своей важности, пріобрѣтаютъ значеніе, такъ сказать, этапныхъ пунктовъ въ исторіи хозяйственнаго развитія народовъ. Тѣ многосложныя и тяжкія затрудненія, которыя испытываетъ народное хозяйство подъ игомъ неразмѣннаго бумажно-денежнаго обращенія, налагаютъ свое клеймо на всю экономическую жизнь страны во всемъ ея объемѣ, и потому устраненіе этихъ золъ знаменуетъ собою не какое-либо частное усовершенствованіе въ экономіи страны, но своего рода исходъ изъ Египта, высвобожденіе страны изъ путъ «бумажно-денежнаго хозяйства», какъ цѣлаго режима, подавляющаго всю систему хозяйственныхъ отправленій страны и угнетающаго растительныя силы ея. Успѣхи въ экономической и финансовой области, достигнутые нами среди неблагопріятной обстановки разстроенной денежной системы, дѣлаютъ особенно настоятельнымъ и особенно много обѣщающимъ оздоровленіе почвы нашего хозяйственнаго развитія. Эти успѣхи свидѣтельствуютъ о могучихъ органическихъ силахъ страны, широко проявляющихъ свое дѣйствіе при малѣйшей благопріятности внѣшнихъ условій, и потому открытіе хозяйственному развитію страны дальнѣйшаго свободнаго, безпрепятственнаго шествія является не безпочвенной затѣей, но откликомъ на настоятельное требованіе дѣйствительной жизни, наталкивающейся, въ поступательномъ своемъ движеніи, на серьезную преграду и рас-

трачивающей свои молодые силы на борьбу съ суровыми невзгодами бумажно-денежнаго хозяйства¹⁾. Надлежитъ обезпечить странѣ прочность и жизнеспособность успѣховъ, уже достигнутыхъ ею, надлежитъ обезпечить ей болѣе легкое, свободное дальнѣйшее шествіе. И это не можетъ быть достигнуто до тѣхъ поръ, пока не будетъ обезпеченъ странѣ *насуцно-необходимый базисъ всякихъ хозяйственныхъ дѣйствій—прочная денежная система*. «Бытописанія всѣхъ вѣковъ свидѣлствуютъ», говоритъ гр. Мордвиновъ, «что благоденствіе народовъ тѣсно сопряжено съ наукою управленія деньгами. Изъ всѣхъ дѣйствующихъ въ государственномъ составѣ силъ, первѣйшею признать должно денежную. Она творитъ и умножаетъ изобиліе и богатство внутри; она ограждаетъ безопасность отъ внѣ. Деньги питаютъ трудъ, промышленность, науки; крѣпятъ и распространяютъ общественныя и прикосновенныя къ нимъ связи. Деньги изоцряютъ оружіе; даютъ крыльѣ флотамъ; шествіе воителямъ и пѣснь побѣдная стяжается златомъ... Деньги суть главнѣйшее орудіе въ управленіи дѣяніями человѣческими и въ достиженіи народами высшихъ степеней просвѣщенія, благодѣянія и величія... Мудрость въ началахъ, относящихся къ управленію деньгами, составляетъ первѣйшую государственную силу, порождаетъ и устрояетъ благоденствіе народовъ, даетъ крѣпость и вѣка царствамъ»²⁾. «Чѣмъ постояннѣе опредѣляется и содержится достоинство денегъ», говоритъ проф. Вирстъ, «тѣмъ безо-

¹⁾ По поводу реформы денежнаго обращенія въ Россіи вѣнскій экономическій журналъ (*Zeitschrift für Staats-u. Volkswirtschaft* 1896, XXXV) пишетъ: „Рѣшеніе Россіи перейти къ золотому обращенію вызвано, какъ признаніемъ важности прочной валюты для финансовъ и государственнаго кредита, такъ и желаніемъ пойти на встрѣчу потребности мощно развивающейся промышленности страны. Вполнѣ очевидное стремленіе русскаго правительства создать въ Европейской Россіи такого рода промышленность, которая бы могла выдержать борьбу съ промышленностью запада, и отчасти, вѣроятно, русскія мечты всемірно-завоевательной политики содѣйствовали уразумѣнію дѣйствительной потребности промышленнаго прогресса.... Промышленность и торговля Россіи насуцно заинтересованы въ введеніи здоровой, устойчивой валюты“.

²⁾ Гр. Мордвиновъ. Разсужденіе о могущихъ послѣдовать пользахъ отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ, 3 изд. 1829, стр. 1 и 16.

паснѣе хранится достоинство собственности, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ побужденіе къ пріобрѣтенію себѣ оной, и тѣмъ ближе соединяются пользы благомыслящихъ подданныхъ съ пользами правительства. По сей причинѣ славнѣйшіе мужи, въ государственномъ хозяйствѣ искусившіеся, весьма справедливо почитали вѣрную и съ обстоятельствами согласную монетную систему и порядокъ въ банковыхъ и вексельныхъ дѣлахъ главнымъ средствомъ, могущимъ способствовать благосостоянію народа, и каждое неустройство въ денежныхъ дѣлахъ не токмо вреднымъ промышленности народной, но и вообще весьма противнымъ нравственности признавали»¹⁾).

Но и помимо огромнаго экономическаго значенія, возстановленіе валюты представляется реформой чрезвычайно важной и *въ культурномъ отношеніи*. Послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій господства бумажно-денежнаго хозяйства, переходъ къ міровой металлической валютѣ знаменуетъ собою огромный культурно-историческій шагъ, не лишенный и политическаго значенія. Пріобщеніе ко всемірной культурѣ не мыслимо безъ пріобщенія ко всемірному денежному хозяйству. Культурныя блага не передаются по телеграфной проволоцѣ; они распространяются изъ страны въ страну живыми людьми, несущими съ собою свои знанія, свой опытъ, свои умственные и матеріальныя силы. Страна съ изолированнымъ денежнымъ хозяйствомъ не можетъ войти въ прочное культурное общеніе; ее разобщаетъ отъ культурныхъ народовъ вся совокупность экономическихъ золъ, связанныхъ съ разстройствомъ денежной системы. Современная культура распространяется не идейными помыслами крестоносцевъ и миссіонеровъ, а экономическими интересами людей, перепроизводствомъ знаній и сбереженій, ведущимъ къ нивелировкѣ ихъ. Не на таможенной границѣ

¹⁾ *Виртз Ф.* Разсужденія о нѣкоторыхъ предметахъ законодательства и управленія финансами и коммерціей Россійской Имперіи. Перев. съ нѣм. 1807, стр. 345—346.

стоитъ стѣна нашего отчужденія, а внутри страны, въ тѣхъ окопахъ, которыми принуждена у насъ обороняться всякая предприимчивость, всякая хозяйственная дѣятельность отъ леденящихъ дуновений бумажно-денежнаго Борея.... Когда мы указывали въ печати и въ засѣданіяхъ обществъ на важное культурное значеніе возстановленія валюты, намъ казалось, что мы говорили лишь о всѣмъ извѣстной истинѣ, прочно вошедшей въ общественное сознаніе. Оказалось, однако, что идеи, еще такъ недавно бывшія неразлучными съ образомъ мыслей просвѣщенной части нашего общества, нынѣ забыты, ихъ надо снова доказывать, въ нихъ надо снова убѣждаться. Нынѣшнимъ сторонникамъ культурнаго прогресса, повидимому, не извѣстно то, что печаталось и проповѣдывалось ихъ родоначальниками, издавшими нѣкогда благоустроенную валюту и затѣмъ лишившимися этого культурнаго блага. Вотъ что, напр., печаталось тогда въ «Вѣстникѣ Европы»: «Сплошная стѣна, нѣкогда совершенно замыкавшая Россію отъ Европы, на подобіе Китая, со времени Петра Великаго подверглась разборкѣ по частямъ. Въ наше время, можно сказать, той сплошной стѣны уже нѣтъ. Но нельзя отрицать, что и доселѣ еще уцѣлѣли нѣкоторые остатки ея, въ видѣ отдѣльныхъ блокгаузовъ, рововъ, палисадовъ и различныхъ перегородокъ, которыя въ нѣкоторыхъ пунктахъ продолжаютъ разобщать насъ съ общеевропейскимъ міромъ. Цѣлая область нашей общественной жизни и нашего политическаго быта лежатъ за такими *forts détachés*, остатками прежней сплошной оборонительной цѣпи. Однимъ изъ такихъ остатковъ представляется тотъ глубокій кредитный ровъ, который мы наполнили волнами бумажныхъ денегъ и на днѣ котораго мы зарыли подъ ними нашу валюту, нашу монетную единицу» ¹⁾).

Высокій общественный интересъ, проявившійся къ денежной реформѣ, объясняется, конечно, огромною общегосударственною и частнохозяйственною важностью этой ре-

¹⁾ Денежный кризисъ. Вѣстн. Евр., 1872, XI, стр. 321.

формы, но въ значительной степени объясняется и внѣшними обстоятельствами, способствовавшими оживленію общественнаго интереса. Этими внѣшними обстоятельствами явились—*предварительное оглашеніе сущности предложенной реформы и допущеніе совершенно свободнаго обсужденія ея въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ*. И хотя Министерству Финансовъ пришлось въ виду этого выслушать много упрековъ достаточно несправедливыхъ, однако едва ли оно можетъ пожалѣть о своемъ рѣшеніи предоставить общественному мнѣнію возможность свободно обсудить предложенную денежную реформу. Несомнѣнно, что цѣною этихъ мелкихъ непріятностей Министерство освободило себя отъ дѣйствительно тяжкаго упрека современниковъ и потомства въ сокрытіи отъ общества предположеній по такому дѣлу, которое касается самыхъ чувствительныхъ интересовъ каждаго жителя страны. Всѣ матеріальные расчеты населенія покоятся на денежной системѣ. «Деньги»,—говорилъ Р. Пиль, внося законопроектъ о возстановленіи валюты,—«составляютъ предметъ всѣхъ сдѣлокъ. Нѣтъ никакого договора, будь это частный или государственный, который бы ими не затрогивался. Коммерческія предпріятія, торговые прибыли, всѣ условія, заключаемыя въ обыденной жизни, задѣльная плата, денежные сдѣлки, начиная съ самыхъ крупныхъ и кончая самыми мелкими, уплата государственнаго долга, подати, всѣ налоги, наконецъ покупательная сила, заключающаяся въ монетѣ—все это затрогивается предлагаемою реформой». «*Res nostra agitur*», говоритъ Е. Laveleye. «Кто бы ни былъ ты, читатель,—въ этомъ вопросѣ дѣло идетъ о твоёмъ личномъ интересѣ»¹⁾. При такомъ характерѣ реформы, поставленной на очередь, было бы непростительной ошибкой облекать ее въ канцелярскую тайну, скрывать отъ населенія практическія намѣренія, имѣющія столь всеобщій интересъ. «Въ такого рода дѣлахъ»,—говорилъ Императоръ Николай I, въ 1843 году, въ засѣданіи комитета о замѣнѣ ассигнацій

¹⁾ Е. Laveleye. La question monétaire en 1881.

кредитными билетами, — «гдѣ въ виду у насъ общая польза и предметъ ежедневной потребности народа, и гдѣ намѣренія наши, разумѣется, совершенно добросовѣстны, не вижу никакого повода скрывать и маскировать наши дѣйствія. Ихъ, напротивъ, должно оглашать передъ народомъ въ полномъ объемѣ, иначе всякое умолчаніе дало бы дѣлу видъ тайной и какъ бы своекорыстной цѣли и не могло бы не вселить въ умахъ напрасныхъ, совершенно противоположныхъ нашимъ видамъ, подозрѣній» ¹⁾). И если предоставленная обществу возможность свободнаго обсужденія предположенной денежной реформы послужила поводомъ для разнаго рода нареканій и злословій, то Министерству Финансовъ едва ли не слѣдуетъ усматривать въ этомъ лишь то прискорбіе, которое натурально неразлучно съ положеніемъ, занимаемымъ этимъ Министерствомъ въ системѣ государственнаго управленія. «Какія бы мѣры ни предпринималъ Министръ Финансовъ», говоритъ извѣстный общественный дѣятель Н. Тургеневъ, «онъ всегда долженъ быть готовъ слышать ропотъ и негодованіе народа; но никогда не долженъ презирать оныхъ: неуваженіе общаго мнѣнія, хотя и неосновательнаго, свойственно только неспособности и невѣжеству; хорошій Министръ Финансовъ старается исправлять общее мнѣніе хорошимъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Невыгоды такого положенія тѣмъ болѣе бываютъ чувствительны, что публика ни о чемъ такъ неосновательно и несправедливо не судить, какъ о предметахъ, касающихся до финансовъ» ²⁾).

Къ нерасположенію, съ которымъ встрѣчена была предположенная денежная реформа, слѣдовало быть столь же готовымъ, какъ и ко всякимъ вообще нападкамъ на дѣятельность финансоваго вѣдомства, и даже еще въ большей степени. *Повсемѣстно денежныя реформы встрѣчали самое недружелюбное отношеніе общества, въ особенности же тамъ, гдѣ разстройство денежной системы длилось въ теченіе мно-*

¹⁾ Русская Старина, 1896, VI, стр. 466.

²⁾ Тургеневъ Н. Опытъ теоріи налоговъ, 2 изд. 1819, стр. 271—272.

гихъ лтъ. Долговременное разстройство валюты неминуемо должно породить такое настроеніе общественнаго мнѣнія, которое наименѣе благопріятствуетъ всякимъ начинаніямъ въ цѣляхъ упорядоченія денежнаго дѣла.

Долговременное разстройство денежной системы пріучаетъ населеніе къ бумажно-денежной атмосферѣ, дѣлаетъ эту атмосферу, какъ бы *нормальной стихіей, съ которою сжились, и вреда которой почти не замѣчаютъ.* Для весьма многихъ становится даже совершенно непонятнымъ, для чего желаютъ какихъ-то неизвѣстныхъ новшествъ. «Разстройство познавательной способности», говоритъ проф. Дорнъ, «столь широко распространенное у насъ (въ Австріи) по отношенію къ вопросамъ денежнымъ, вслѣдствіе долготѣшняго существованія у насъ разстроенной валюты, у многихъ лицъ положительно неизлѣчимо и не устранимо». «Болѣзни денежнаго обращенія», говоритъ академикъ Безобразовъ, «хотя и самыя опасныя для народнаго хозяйства, въ которомъ денежное обращеніе есть то же, что обращеніе крови въ животномъ тѣлѣ, болѣзни эти и въ особенности разстройство главнаго корня ихъ, денежной единицы, наименѣе изъ всѣхъ экономическихъ золъ могутъ быть сознательно ощущаемы самими больными. Эти болѣзни сознаются большею частью не въ сущности своей, а въ своихъ гибельныхъ практическихъ послѣдствіяхъ для каждаго дѣйствующаго члена народнаго хозяйства, относимыхъ обыкновенно не къ коренной причинѣ, а къ разнымъ побочнымъ и случайнымъ обстоятельствамъ» ¹⁾.

Отсутствіе яснаго сознанія вреда разстроенной валюты и пользы благоустроенной денежной системы, естественно, создаетъ въ обществѣ извѣстную *апатію къ вопросамъ упорядоченія валюты.* Такъ было даже въ наиболѣе просвѣщенныхъ странахъ. Лордъ Грэнвилль указывалъ, какъ на очень печальное явленіе, на апатію публики къ вопросу о раз-

¹⁾ *Безобразовъ В.* О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи 1863, стр. 52—53.

мѣнности, апатію, водворившуюся вслѣдствіе того, что возобновленіе размѣна все откладывалось и отсрочивалось. Ораторъ напоминалъ, какъ размѣнъ первоначально былъ пріостановленъ лишь на самое короткое время. Всѣ единогласно смотрѣли тогда на пріостановленіе размѣна, какъ на стыдное и злое дѣло, хотя и необходимое. Теперь—публику постепенно пріучили къ нему, и утверждаютъ, что пріостановленіе размѣна совсѣмъ не имѣло никакихъ вредныхъ послѣдствій. Это глубокая неправда. Неразмѣнность принесла уже очень много вреда и, чѣмъ болѣе медлятъ ея устраненіемъ, тѣмъ болѣе затрудняютъ это устраненіе¹⁾. Такая же апатія укоренилась и у насъ. Тѣ «ожиданія просвѣщенной части публики», на которыя ссылался въ свое время гр. Канкринъ при возстановленіи валюты, замѣнились почти полнымъ индифферентизмомъ.

Съ другой стороны, среди и той части общества, которая сознаетъ весь вредъ бумажно-денежнаго хозяйства и принципиально сочувствуетъ упорядоченію валюты, вслѣдствіе долговременнаго существованія недуга, развивается чрезвычайно *пессимистическое настроеніе, какъ-то отчаяніе въ возможности когда-либо избавиться отъ бумажно-денежнаго недуга*. «Очевидцы замѣтили», говоритъ графъ Канкринъ, «что въ Австріи народъ, при всей любви къ государю, при всемъ самопожертвованіи, проникнуть, однако же, безусловнымъ, часто несправедливымъ предубѣжденіемъ, вслѣдствіе чего онъ не предполагаетъ, чтобы какая-либо мѣра правительства относительно бумажныхъ денегъ была полезна и разумна. Этому обстоятельству можно не въ малой степени приписать неуспѣхъ многихъ операцій, касающихся австрійской денежной системы»²⁾. Угнетенное самочувствіе естественно разыскиваетъ во всемъ какія-то несбыточныя опасности, порождаетъ совершенно невѣроят-

¹⁾ *Кауфманъ И.* Неразмѣнныя бумажныя деньги въ Англіи 1877, стр. 115.

²⁾ *Бунге Н.* Мысли графа Канкринна о бумажныхъ деньгахъ. Рус. Вѣстн. 1864, XI, стр. 381.

ные ужасы. Все страшно, все опасно въ этихъ стремленіяхъ освободиться отъ зловреднаго недуга, съ которымъ такъ свыклись, такъ сжились, почти полюбили. Князь А. Ѳ. Голицынъ - Прозоровскій передаетъ свое воспоминаніе о томъ, какъ къ матушкѣ его пріѣхалъ прямо изъ Государственнаго Совѣта графъ Литта и торжественно заявилъ: *La Russie est ruinée*. На вопросъ, что это значитъ, онъ сообщилъ, что состоялось рѣшеніе возстановить серебряную единицу¹⁾.

Таковы *психологическія основанія недоверія*, съ которымъ встрѣчена у насъ проектированная денежная реформа. Бороться съ «нищими духомъ» силою логическихъ доказательствъ совершенно невозможно, ибо это сила совсѣмъ иного порядка. Встряхнуть общественное самочувствіе, загниотизированное долговременными угнетающими обстоятельствами, можно только внушеніемъ сильной воли, рѣшительностію мѣръ. «Подъ именемъ сильныхъ мѣръ», говоритъ графъ Сперанскій, «разумѣется та непреоборимая твердость, съ которою принятому плану должно слѣдовать, отражая всѣ мелкія уваженія и не устрашаясь ропотомъ, слухами или злословіемъ»²⁾. «Нужно много самоотверженія», говоритъ академикъ Безобразовъ, «мужества, и въ особенности непоколебимости убѣжденія для исправленія давно испорченной бумажной денежной системы»³⁾. «Главное дѣло»,—говоритъ проф. Вагнеръ,—«какъ и всегда въ подобныхъ задачахъ, состоитъ въ *мужествѣ воли и мужествѣ вниманія*. Да не окажется въ этомъ недостатка!»⁴⁾.

Наконецъ, есть почтенная группа противниковъ предположенной денежной реформы, возраженія которыхъ основываются не на бумажно-денежномъ идолопоклонничествѣ и не на робости духа, а на *известныхъ убѣжденіяхъ, несогласныхъ съ тѣми взглядами, которые положены въ осно-*

¹⁾ Русскій Архивъ 1887, II, стр. 250.

²⁾ Цит. у Миллашевскаго. Деньги 1895, стр. 579.

³⁾ Безобразовъ В. Наши бумажные деньги. Наблюдатель 1888, IV, стр. 292.

⁴⁾ Вагнеръ А. Русскія бумажные деньги 1871, стр. 381; курсивы автора.

ваніе задуманной реформы. Мы не задаемся здѣсь цѣлью разубѣдить этихъ почтенныхъ противниковъ. Мы будемъ считать нашу задачу достигнутою, если намъ удастся лишь показать, что высказанныя ими возраженія могутъ быть отвергаемы по серьезнымъ теоретическимъ и практическимъ основаніямъ и что, слѣдовательно, возраженія эти не игнорируются, но съ ними лишь не соглашаются. Съ достиженіемъ этого результата въ сущности уже прекращается всякій благоразумный споръ, не облеченный резолютивными правами. Можно претендовать, и вполне основательно, на игнорированіе извѣстныхъ мнѣній и доводовъ, но нельзя претендовать на различіе въ оцѣнкѣ ихъ. Убѣжденія не допускаютъ никакого насилуванія, и разумный обмѣнъ мыслей прекращается съ того момента, когда оказываются вполне выясненными тѣ мотивы, на основаніи которыхъ каждый составилъ себѣ то или иное убѣжденіе. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, лишь коренныя, существенныя положенія, а не второстепенныя, малозначительныя части, въ отношеніи которыхъ, путемъ взаимныхъ уступокъ, конечно, всегда можно достигнуть извѣстнаго соглашенія. Этихъ частныхъ мы и не будемъ вовсе касаться, равно какъ не будемъ входить ни въ какую личную полемику и въ споры о словахъ. Предметомъ нашего обсужденія будетъ лишь сущность коренныхъ возраженій, высказанныхъ противъ предложенной реформы. Съ этими возраженіями коренного характера мы безусловно не согласны и думаемъ, что реформа, осуществленной на предложенныхъ основаніяхъ, можно предсказать полный успѣхъ. «Если есть что-либо въ предположеніяхъ человѣческихъ достовѣрное», — скажемъ мы словами гр. Сперанскаго, — «то учрежденія сіи немишуемо должны достигнуть своей цѣли, когда только *съ твердостью* и съ нѣкоторымъ даже упрямствомъ будутъ ихъ держаться. Я называю упрямствомъ сіе пренебреженіе мелкихъ и временныхъ неудобствъ, которое во всякомъ важномъ установленіи необходимо».

А. Возраженія внѣшняго характера.

Подъ возраженіями внѣшняго характера мы разумѣмъ тѣ аргументы, которые, не касаясь сущности предложенныхъ основаній урегулированія валюты, имѣютъ своею цѣлію доказать, что не слѣдуетъ вообще и предпринимать этого дѣла — совсѣмъ, или въ настоящее время. Аргументы этого рода, коренящіеся въ непониманіи вредныхъ свойствъ бумажно-денежнаго хозяйства и преимуществъ металлическаго обращенія, мы оставимъ здѣсь совершенно безъ разсмотрѣнія: вся первая часть сочиненія представляетъ собою одно общее возраженіе противъ всѣхъ подобнаго рода аргументовъ. Здѣсь же разсмотрѣнію нашему подлежатъ лишь такіе доводы внѣшняго характера, которые не вытекаютъ непосредственно изъ поклоненія бумажно-денежному хозяйству. Сюда относимъ мы слѣдующіе три аргумента:

1. Административная фиксація курса упраздняетъ самую необходимость окончательнаго урегулированія валюты.

2. Возможность наступленія войны дѣлаетъ безцѣльнымъ возстановленіе валюты, такъ какъ неминуемо придется вновь разстроить ее.

3. Предпринимать возстановленіе валюты нынѣ не своевременно.

І. Административная фиксація курса.

Необходимость завершенія денежной реформы нерѣдко оспаривается на томъ основаніи, *будто бы существующію административною фиксаціей курса уже устраняются всѣ невзгоды бумажно-денежнаго хозяйства*. Полагаютъ, что устанавливать обязательный безсрочный размѣнъ — нѣтъ надобности, ибо онъ ничего не измѣнитъ въ существующемъ положеніи вещей, а между тѣмъ, при отсутствіи такого закона, представляется возможность, въ случаѣ какихъ-либо угрожающихъ явленій, измѣнить курсъ или даже и совсѣмъ прекратить выдачу золота. Такимъ образомъ, существующее переходное положеніе признается возможнымъ удержать въ качествѣ нормальнаго положенія нашей денежной системы.

Происхожденіе подобнаго взгляда, въ сущности, совершенно понятно. Неустойчивость нашего курса до того измучила страну, что тотъ роздыхъ, который наступилъ теперь, представляется уже своего рода идеаломъ. Для людей, обладающихъ робкимъ кругозоромъ, вполне естественно удовлетворяться тою «самодѣльщиной», какою представляется административная фиксація курса по сравненію съ благоустроенною валютой. Въ качествѣ «фальсификаціи», «имитациі» благоустроенной валюты, административная фиксація курса, дѣйствительно, заслуживаетъ вниманія, но нельзя примѣнять широкаго угла зрѣнія къ этому «домашнему издѣлію», которымъ можно удовлетворяться лишь при невозможности располагать вещью болѣе тонкой технической выдѣлки.

Приведенный взглядъ на значеніе административной фиксаціи является *въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ преувеличеннымъ, въ другихъ же совершенно неправильнымъ*. Преувеличеніе заключается въ томъ, что административному размѣну и искусственной устойчивости вексельнаго курса

приписываютъ всѣ тѣ благія послѣдствія, которыя происходятъ для народнаго хозяйства отъ размѣна, устанавливаемого постояннымъ закономъ, и отъ естественной устойчивости вексельнаго курса при благоустроенной валютѣ. *Неправильность* же заключается въ томъ, что упускаютъ изъ виду тѣ вредныя стороны бумажно-денежнаго хозяйства, которыя устраняются не размѣномъ и не устойчивостью вексельнаго курса, а организаціей эмиссіоннаго дѣла, т. е. установленіемъ банковской билетной циркуляціи.

Для того, чтобы административная фиксація курса хотя бы нѣсколько походила по своимъ послѣдствіямъ на законодательное урегулированіе валюты, необходимо, чтобы и внутри страны и за границей могли прочно рассчитывать на устойчивость этой административной мѣры. Конечно, административная мѣра никогда вообще не можетъ притязать на прочность мѣры, освященной постояннымъ закономъ. Но все-таки и административныя мѣры могутъ обладать различною степенью прочности. Зависитъ эта прочность, во-первыхъ, отъ того, въ какой степени необходимость примѣненія данной административной мѣры укоренилась въ сознаніи правительственныхъ и общественныхъ сферъ, и, во-вторыхъ, отъ того, въ какой степени тотъ или иной представитель администраціи оказывается способнымъ при данныхъ обстоятельствахъ успѣшно осуществлять извѣстное мѣропріятіе. Другими словами, мѣра административная можетъ только тогда болѣе или менѣе удачно имитировать законъ, когда существуетъ увѣренность, что на будущее время администрація будетъ всегда *желать* примѣненія ея и всегда *устоятъ* въ этомъ намѣреніи. Только при такихъ условіяхъ административная мѣра можетъ съ теченіемъ времени превратиться въ своего рода «обычное право», которое, дѣйствительно, подчасъ бываетъ сильнѣе закона.

Посмотримъ же, можно ли имѣть какую-либо увѣренность въ томъ, что наша финансовая администрація будетъ всегда имѣть *желаніе поддерживать фиксацію курса и фактическій*